

УДК 94(47)

**Опыт применения достижений научной организации труда в деятельности
Нижегородского губернского комитета РКП(б)–ВКП(б)
в эпоху НЭПа**

Анна Владимировна Крылова

Нижегородский технический университет им. Р.Е. Алексеева, Россия
603000, Нижегородская область, г. Н. Новгород, ул. Минина, 24
кандидат исторических наук
E-mail: aespirance@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса внедрения НОТ в работу Нижегородского губернского партийного комитета в 1920-х годах. Изучены рационализаторские проекты. Рассмотрены особенности взаимодействия центрального и местных комитетов при разрешении вопросов усовершенствования труда партийных работников. Достижения и просчеты этого процесса также были предметом внимания автора.

Ключевые слова: НЭП (новая экономическая политика); НОТ (научная организация труда); Нижгубком (Нижегородский губернский партийный комитет).

Введение. «О, хотя бы еще одно заседание относительно искоренения всех заседаний!» – строка из стихотворения В. Маяковского, которая не потеряла своей актуальности и сегодня. Практика работы государственных органов и в наши дни далека от совершенства. Проводимое во властных структурах бессистемное сокращение, затем расширение штатов, преобразования отделов и ведомств, внедрение системы «электронный гражданин» и прочие новшества снимают напряжение в этой области лишь отчасти, не решая проблемы в корне. Длинные очереди при получении той или иной государственной услуги, дублирование электронного документооборота бумажным, в разы и не всегда «обоснованно» увеличивающиеся сметы государственного строительства (например, удивившее Президента 8-ми кратное удорожание возведения олимпийских объектов в Сочи) – все это свидетельствует о том, что в деле рационализации работы органов власти есть еще много лагун. Отчасти их заполнение можно осуществлять с применением опыта предыдущих поколений.

Материалы и методы. Цель данной статьи – на основе анализа материалов Государственного общественно-политического архива Нижегородской области и Государственной областной научной библиотеки им. В.И. Ленина выявить роль и результаты работы губернского комитета РКП(б)–ВКП(б) (Нижгубкома – А.К.) на поприще рационализации деятельности ключевой властной структуры губернии в эпоху НЭПа с учетом достижений научной мысли тех лет. Для достижения этой цели использовались историко-ситуационный, компаративный и ряд других научных методов. Обработка статистических материалов (результатов анкетирования, опросов) проводилась с использованием возможностей специализированных компьютерных программ.

Обсуждение. Несмотря на очевидную актуальность вопроса и кажущуюся разработанность темы, работ, посвященных научной организации труда (НОТ) в Нижегородском регионе, немного. Имеющиеся работы в основном посвящены внедрению НОТ в хозяйственную и образовательную сферы [1]. Вопрос же, связанный с апробацией принципов НОТ в партийных структурах Нижегородской губернии в 1920-е годы, остается малоизученным.

Большевики, одержав верх в гражданской войне, потерпели полный крах в экономической политике, были вынуждены перейти к НЭПу. Изменившиеся условия требуют и переналадки работы властных структур как в центре, так и на местах. Нижгубком активно включается в этот процесс. В 1921 г. наблюдается перетекание властных полномочий от губисполкома к губкому, структурные преобразования в последнем. Возрастает влияние губкома на уездные, районные и волостные комитеты. В 1920–1921 гг. обострились противоречия в кадровой политике губкома: с одной стороны,

целенаправленное создание текучести выборной части (плenums), чтобы избавиться от представителей ЦК, с другой – борьба с «текучкой» в назначаемой части (отделах губкома) [2, с. 115–116].

Так как определенные проблемы в работе Нижгубкому доставляло и состояние здоровья партийцев, то в середине 1921 г. он выступил с любопытной инициативой – была создана Врачебно-партийная комиссия. Наиболее активно она работала в 1924 г., когда провела 51 заседание и обследовала 809 партийных работников губернии из разных отраслей. Результаты оказались удручающими: в Нижгубком было признано здоровыми только 3,5% работников [3, с. 247]. Партврачебная комиссия настоятельно рекомендовала руководству губкома «разгрузить» партработников, выделив им хотя бы один день в неделю для полноценного отдыха, улучшить их материальные и жилищные условия, увеличить количество санаториев и др.

О проведенном Нижегородской организацией обследовании одобрительно отозвались «Известия ЦК»: «Остальным организациям необходимо последовать примеру нижегородцев и приступить к выявлению состояния здоровья членов партии, в первую очередь актива, с тем, чтобы путем «ремонтных» комиссий оказать им необходимую медицинскую помощь» [3, с. 247].

Те рационализаторские мероприятия, что Нижгубком пытался осуществить в первой половине 1920-х гг. «интуитивно», к середине десятилетия получают серьезное научную проработку в центре.

Напомним, что у истоков научной организации труда (НОТ) за рубежом стоял Ф. Тейлор, чьи исследования вызвали интерес В.И. Ленина [4]. В Советском Союзе ключевыми теоретиками стали А.А. Богданов, О.А. Ерманский, А.К. Гастев, П.М. Керженцев [5].

На государственном уровне управлением НОТ был занят Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Был создан совещательный орган – Совет научной организации труда (Совнот). В регионах, в том числе и Нижегородской губернии, были созданы местные Совнот. При ВЦСПС был образован Институт труда (затем преобразованный в ЦИТ).

В 1925 г. ЦК партии начал проведение масштабного исследования особенностей управленческого труда и нагрузки партработников по трем направлениям: ячейки, низовые комитеты, губкомы.

Нижгубкомом был получен секретный циркуляр ЦК № 3857/с от 2 февраля 1925 г. Циркуляр имел следующее содержание: «За последнее время во многих парторганизациях участились случаи нервных заболеваний и самоубийств среди членов партии, особенно среди ответственных работников. Не подлежит сомнению, что одна из причин подобных явлений – это переутомление <...>. Орграспред ЦК приступил к собиранию наиболее полных данных о нагруженности отдельных групп работников партобязанностями и всякой иной работой, дабы на основании этого разработать <...> предложение об устранении имеющихся место ненормальностей» [6, л. 135].

К циркуляру прилагалось 35 экземпляров анкет. Они включали в себя следующие разделы:

«1. Фамилия, имя, отчество.

2. Работа по основной должности (место работы, должность, кол-во часов в неделю, затрачиваемое на основную работу (в учреждении, на дому, всего).

3. Работа по совместительству (то же + сколько, по-вашему, времени ей нужно уделять).

4. Работа в комиссиях (наименование, ваша работа (председатель, член, докладчик), постоянная или временная комиссия, среднее число часов в неделю).

5. Партийная работа: число часов в неделю, в т.ч. на партсобрания, кружки и партшколы, доклады, выезды на места.

6. Общие вопросы: количество заседаний, когда начинается и заканчивается рабочий день, продолжительность дневного перерыва, работаете ли в выходные, давно ли такая нагрузка, сколько времени уделяете самообразованию и партшколам, пользовались ли в течение последних 5-и лет отпуском, считаете ли себя перегруженным, какую работу считаете возможным с себя сложить, соображения» [6, л. 137–137об.].

Орграспред ЦК просил разослать анкеты ответственным работникам губернской организации выборочным порядком. Анкета должна была заполняться ими собственноручно. Для представления в ЦК всех заполненных анкет устанавливался 3-х недельный срок. Основная задача, которую ставил ЦК, – выявить то количество времени, которое уделяется типичным управленцем каждому виду занятости, а также, насколько целесообразно им затрачивается время.

После обсуждения на заседании секретариата 27 февраля 1925 г. [6, л. 136]. Нижгубком поручил заведующему орготдела Н. Вахламову приступить к изучению вопроса. Был составлен список лиц, подлежащих анкетированию, в который вошли руководитель и ответственные работники губкома, губисполкома, укомов и райкомов, горрайкома, ГКК, ГСНХ, политруки, секретари ячеек наиболее крупных и проблемных предприятий губернии, глава Берегового кооперативного банка.

Распространение и сбор анкет происходил через райкомы. К проведению обследования были привлечены курсанты Нижегородской совпартшколы (в частности, в архивных материалах содержится «доклад Нижгубкому о партнагрузке по Нижегородской губернии на примере 3 характерных производственных организаций: завода «Красное Сормово», фабрики «Красный октябрь» и завода им. В. Ульянова» второкурсника Масленникова») [6, л. 122–127].

По результатам анкетирования была составлена сводная таблица, анализ которой позволил сделать автору следующие выводы касательно Нижгубкома. Только менее трети опрошенных не работали по совместительству. Практически все являлись членами от одной до шести комиссий. Все респонденты работали по выходным. Разница состояла в продолжительности такой практики: от 2½ до 8½ часов в течение 2–8 лет.

Ответ на вопрос о пользовании отпуском за последние пять лет обнаружил большой разброс. Почти все респонденты ответили утвердительно, однако были и нюансы: 6 раз по 2 месяца, 1 раз в течение 1 месяца, 2–3 раза, по 2 недели и т.д. В то же время на вопрос о возможности сложить с себя обязанности «да» сказали только около трети респондентов. Таким образом, несмотря на крайнюю утомленность, работники Нижгубкома были преданными своему делу людьми.

Опрошенные предложили следующие меры по рационализации своей работы: выдвигать новых работников на ответственную работу, тех, «кто о себе молчит», предоставление отпуска «загруженным» не менее полугода. Член губкома, ректор Нижегородского университета в 1924–1926 гг. С.А. Стойчев, например, считал возможным снять 50% преподавательской работы, 8 часов в день. Освобождение себя от другой работы ответственного характера считал нежелательным. Он полагал необходимым обеспечить квалифицированным педперсоналом – коммунистами – вузы, что давало бы возможность освободить преподавателей, с одной стороны, и руководителей, с другой, «так как ректор-коммунист при отсутствии достаточного кадра <...> должен принять на себя работу в ряде комиссий дополнительно к основной работе, что дает значительные помехи педобразованию» [6, л. 140].

Выводы Нижгубкома по анкетам о рабочем дне ответственных работников сводились к следующему: «В общем итоге в неделю в среднем приходится работы в учреждении и на дому 57¼ часов, при этом работы по совместительству в среднем в неделю приходится 1½ часов, в день же 2 часа еще работа в комиссиях в среднем в неделю приходится 6 ч. 20 мин. и еще разного рода заседаний <...> в неделю 17 часов, в день же 3 часа, а поэтому рабочий день <...> 15 часов [6, л. 139–139об.].

Исходя из данных цифр, Нижгубкомом был разработан Проект резолюции по докладу о нагрузке ответственных работников губернии. Нижгубком предложил:

а/ сократить участие в разного рода комиссиях, имеющих меньшее значение участия того или иного товарища в этой комиссии по отношению к его основной работе, где мог бы выполнять работу менее загруженный товарищ;

б/ сократить количество заседаний комиссий, приходящихся более 5 в среднем в неделю;

в/ достигнуть такого положения, чтобы ответработники, нагруженные до максимума <...> могли день <...> истолковывать как отдых;

г/ необходимо придерживаться плановости и регламентации всех собраний, заседаний и т.д. и установить твердый максимум нагрузки того или иного товарища как по партийной,

советской, профессиональной работе по линии основной работы в учреждении, предприятии и т.п.;

д/ работу по совместительству <...> также необходимо согласовать с общей работой товарища;

е/ признать необходимым данным товарищам для воспроизведения физической энергии отдыха – регулярных отпусков, установив для этого периодические нормы» [6, л. 147–154об.].

Выявленные проблемы обсуждались на XIV конференции ВКП (б) (апрель 1925 г.), где решено было акцентировать внимание на «живом руководстве», принять меры к сокращению формальной отчетности, сокращению количества циркуляров, всех видов письменной информации и статистики. Предлагалось разработать конкретные меры к сокращению количества инструкций как в центре, так и на местах, через которые должен проходить каждый вопрос. ЦИТу и совНОТу было поручено в течение ближайших трех месяцев опытным путем разработать меры по устранению параллелизма и установлению большей четкости в работе отдельных групп работников [6, л. 153].

Затем дискуссии продолжились на иных уровнях. Так, на совещании заведующих орготделов губкомов при ЦК в мае 1925 г. были приняты тактические меры по преодолению кризисных явлений.

В дни отдыха запрещались заседания, вводился 42-часовой непрерывный отдых для всех партработников с субботы с 3-х часов дня до понедельника 9-ти часов утра. Каждый партработник теперь должен был иметь два свободных вечера в неделю «на предмет углубления своей политподготовки и самообразовательной работы». Требовалось строго соблюдать принципы санитарной охраны труда (вплоть до соблюдения тишины во время занятий), запрещалось курение на заседании и т.д.

Участники совещания сочли возможным регламентировать даже личную жизнь ответственных работников и озаботились установлением правильного режима для них – нормального и своевременного сна, обязательного и регулярного приема пищи (для чего работнику гарантировался получасовой перерыв), прогулок на свежем воздухе, занятия физкультурой [7, с. 23].

В развитие вышеперечисленных решений к осени Нижгубкомом был подготовлен ряд директив, которые были доведены до сведения заворгов укомов и райкомов на совещании в октябре 1925 г. Губернский комитет потребовал чаще производить проверку распределения партнагрузки в отношении партактива, возлагая эту задачу на бюро ячеек и инструкторский аппарат парторганов. Очень любопытным представляется требование переносить ряд партийных обязанностей на беспартийных, «отбросив при этом всякую боязнь и косность» [7, с. 13].

В целях разгрузки ответственных работников от хлопот по подготовке документов Нижгубком обязал райкомы и укомы «принять меры к постановке на должную высоту секретариатов» [8, л. 8].

Кроме того, Нижгубком принял решение платить за сверхурочную работу, правда, управделами соглашался на это неохотно, справедливо отмечая, что нужно более рационально расходовать рабочее время.

Началась настоящая борьба с опозданиями на заседания: на виновников налагались дисциплинарные взыскания. Причем время созыва заседаний устанавливалось «законодательно»: Нижгубком предписал согласовать начало заседаний различных органов.

Нормировалось количество вопросов в повестке дня. Заседания должны длиться не более 2–2½ часов. Была установлена предварительная рассылка соответствующих материалов и заблаговременное ознакомление всех заинтересованных с повесткой. Обсуждение вопросов должно было протекать согласно регламенту.

Добиваясь устранения нерациональной траты времени, представителей отдельных ведомств, вопросы которых ставились на обсуждение, должны были вызывать к определенному моменту, а не к началу заседания, чтобы им не приходилось долго ждать [8, с. 8].

Рекомендовалось сократить до минимума число комиссий. Созывать совещания теперь требовалось только в том случае, когда вопрос невозможно разрешить в порядке личного согласования с отдельными работниками. Нижгубком убеждал райкомы и укомы в

необходимости практиковать единоличное разрешение текущих вопросов выделенными для этой работы руководителями.

В действительности, во второй половине 1920-х годов возрастает число коллегий и комиссий и количество в них «представителей с мест». Однако, учитывая сложности сбора людей из глубинки, на практике получалось, что постоянными участниками дискуссий были все те же работники губкома и иных территориально-близких органов.

Если же собрания удавалось созвать, то их организация была неважной. Архивные материалы содержат письма руководителя губкома А.А. Жданова в адрес ряда лиц, допустивших промахи в этой области. Ярким примером тому является послание Ковалевскому от 1 марта 1928 г.: «В последние месяцы это второе по счету и по порядку ответственное собрание, когда не были поданы трамваи <...>. Вы (Ваше управление) не распорядились об этом <...>. Все трамваи шли в парк. Мне передавали, что некоторые делегаты, полагая, что вагоны поданы для них, пытались садиться. Им предлагали слезть <...>. Угостили собранием! <...> Вы дискредитировали губком тем, что заставили рабочих переть по морозу всю ночь, рискуя прогулом на следующий день <...>. Подумали вы о том, что <...> сормовичей и канавинцев с трудом можно <...> затащить на наши межрайонные собрания? <...> Бюрократический червячок подкрадывается тихо и незаметно и иногда поражает заслуженных партийцев» [10, л. 29–29об.].

Впрочем, находились и те, кто выступал сторонником форм именно коллективной работы. Так, зимой 1928 г. в редакцию журнала «Известия губкома ВКП(б)» планировалась отправка статьи следующего содержания: «Т. Умнов в своей статье о рационализации партийного аппарата, приведя 2–3 цитаты <...> мимоходом приходит к выводу, что массовые комиссии не нужны<...> <...> Рационализация – это, между прочим, уничтожение лишних, отживших звеньев, но как раз массовые комиссии таковыми не являются <...>, по своему назначению имеют целью не только и не столько заслушивать доклады организаций, сколько разрабатывать и улучшать методику». Далее автор доказывает, что меры, связанные с ликвидацией комиссии и передачей ее вопросов другой структуре, есть «логическая ошибка» [11, л. 50]. Однако путь до читателя оказался тернист – на материале стоит виза неустановленного лица: «Не пойдет».

Тем не менее 1927–1929 гг. были очередным витком именно «структурного усовершенствования». Начался он, естественно, в ЦК, затем процесс затронул и регионы [12, с. 1]. В Нижгубкоме в 1927 г. было проведено еще одно исследование, в результате которого многие недочеты парторганизации были систематизированы, и центр получил не только «ясную картину с мест», но и реальные пути ее оптимизации – губком разработал очередной Проект рационализации партаппарата губернии. Он затрагивал структуру, технику работы губкома, функциональную нагрузку его отделов, систему делопроизводства, хранения секретной информации.

Что касается принципов реализации реформы, то, в частности, на заседании бюджетной комиссии губкома говорилось о том, что не следовало использовать принцип «огульного сокращения аппарата», а акцентировать внимание на «дальнейшей рационализации его работы» [13, л. 1]. Чтобы слова не расходились с делом, в сентябре 1927 г. даже создается новая структура – Кабинет партработы – подраздел агитпропа, задуманный как своеобразный методический центр информации, удобной для получения и использования в практической работе, «где был бы сосредоточен необходимый материал из разрозненных, порой сухих, цифр и сводок, спокойно лежащих в канцеляриях и покрывающихся пылью, и где бы этот материал превратился в живые <...> пособия» [14, л. 11]. Однако планомерная работа этого центра началась спустя минимум полгода, после операции губкома по его «оживлению» в феврале 1928 г. Такая задержка была вызвана крайне слабым интересом к нему со стороны как партактива, чью жизнь он призван был облегчить, так и отделов парткомитета.

И все же уйти от необходимости сокращения штатов Нижгубкому не удалось. «В сторону ликвидации» решился вопрос о комиссии по самообразованию, ряду коллегий и подразделов, должности заведующего истпартком. Нижгубком добровольно снимал с себя ряд функций, в том числе учет беспартийных (он перекладывался на соответствующие хозяйственные и государственные организации).

Кроме того, проект Нижгубкома включал ряд пунктов, касающихся совершенствования техники его работы. В частности, по учету предполагалось:

- отказаться от требования предоставления в губком от укомов и райкомов кандидатских карточек для принятия в партию;
- прекратить параллельное с карточным регистрационным учетом ведение книг (журналов);
- установить для информационно-статистического подотдела перечень вопросов на известный промежуток времени, по которым укомы и райкомы обязаны были предоставлять в губком выписку из протоколов своих бюро;
- «регулярную высылку всех протоколов, за исключением пленумов, актива и конференций <...> прекратить» [15, л. 9–10].

Блок нововведений касался существовавшей в Нижегородской парторганизации системы делопроизводства. Заведующему общим отделом губкома совместно с техработниками было поручено проработать вопрос о ее упрощении, привести в порядок архив, прекратить практику приложения к рассылаемым протоколам сопроводительных записок.

В Проекте особо подчеркивалась необходимость «хранения секретной переписки возложить на одного человека под наблюдением заведующего общим отделом, не допуская хранения по другим отделам» [15, л. 16] (эта мера коррелирует с решением о воссоздании в марте 1926 г. Секретного отдела ЦК ВКП(б) вместо Бюро Секретариата, который возглавил помощник И.В. Сталина И.П. Товстуха).

Заключительные поправки касались системы счетоводства. Существовавшую систему двойной итальянской бухгалтерии планировалось заменить на американскую. Губкомом предполагалось прекратить выписку расходных ордеров, ограничившись простановкой на документах штампа о выдаче и т.д.

Мероприятия вышеописанного Проекта по большей части были одобрены ЦК и реализованы, в том числе в ходе последней серьезной трансформации в работе Нижгубкома, происходившей в конце рассматриваемого периода, в 1929 г., в связи с новым административно-территориальным делением губернии. Деятельность существовавших в тот момент органов управления шла параллельно с вновь созданными, работавшими на временной основе. Подверглись очередной рационализации и штат, и структура, и принципы работы комитета.

Результаты. Насколько эффективней стала работа Нижгубкома в результате всех описанных мероприятий? Действительно ли управленческий процесс в итоге стал более рациональным? На эти вопросы, пожалуй, нет однозначного ответа.

Процесс рационализации управленческого труда проходил довольно противоречиво. Освобождение от «перегрузки» партийцев вело к возникновению подобных проблем у работников иных сфер. Так, в циркулярном указании ЦК ВКП(б) «О партнагрузке хозяйственников и взаимоотношениях парторганизации с хозорганами» № 19 от 26 июля 1926 г. сказано: «ЦК считает необходимым несколько разгрузить хозяйственников от работы, непосредственно не связанной с их хозработой, в частности, по возможности освобождать их от партпоручений и партнагрузки, не связанной с данным предприятием» [16, л. 19].

Несмотря на принятые меры, партруководители все более убеждаются, что деятельность организованных ими управленческих структур отличается неурегулированностью темпа работы, отсутствием нормального бюджета времени, чрезмерным количеством инстанций, через которые должен проходить каждый вопрос» [7, с. 12].

Все многообразие негативных факторов можно свести в группы:

- а) неупорядоченность взаимоотношений между отдельными учреждениями (губкомом и советскими, иными органами) и внутри них между различными частями их аппаратов;
- б) неупорядоченность работы на заседаниях коллегиальных органов губкома;
- в) дисфункции в сфере делопроизводства: обилие планов, тезисов, резолюций и циркуляров, как правило, общего характера, недостаток проверки исполнения [17, с. 31]. Впрочем, сам Нижгубком в этом вопросе был иного мнения: «В отношении того, что райкомы в городе не могут контролировать выполнения директив губкома учреждениями, вина их самих <...>, протоколы заседания губкома им рассылаются, губком против ничего не будет иметь, если и райкомы будут иметь на них влияние» [18, л. 120об.].

В то же время следует отметить довольно четко налаженную схему распространения информации по вертикали (ЦК–губком). Причем имели место случаи, когда Нижгубком в деле рационализации работал «на опережение» (вспомним пример с партврачебной комиссией).

Отнести нижегородских рационализаторов к последователям какой-то определенной концепции НОТ и назвать их ярыми сторонниками идей того или иного теоретика тех лет вряд ли представляется возможным (хотя доля усовершенствований, касающихся бюджета времени, – конек П.М. Керженцева – довольно весома). И все же напомним интересный факт: П.М. Керженцев в 1904–1906 гг. работал в нижегородской большевистской организации в тесном контакте с Н. Семашко, Я. Свердловым, А. Рыковым, М. Владимирским. Хотя документов, подтверждающих связи П.М. Керженцева с членами Нижгубкома нэповского периода, автором не обнаружено, известно, что он «не забыл нижегородские годы революционной юности» [19, с. 131] (в то время как в Н. Новгороде его память до сих пор никак не увековечена).

Если при губернском Совете народного хозяйства был учрежден научно-технический совет, на предприятиях создавались ячейки НОТ, то в Нижгубкоме никакого спецотдела не было организовано (некое его подобие появляется в конце 1920-х в виде кабинета партработы, но он выполнял лишь небольшую часть тех функций, что были присущи службам НОТ). Все мероприятия разрабатывались верхушкой комитета. Следует отметить и низкую корреляцию работы Нижгубкома в сфере НОТ с профсоюзами.

Возможно, это обстоятельство уберегло процесс рационализации работы в Нижгубкоме от тех проблем, от которых страдала НОТ на предприятиях, – кампанейского характера проведения мероприятий. Руководителя губкома и отделов, членов комитета вряд ли можно обвинить в формальном подходе: исследователь, читающий архивные материалы, почувствует, с каким энтузиазмом не только писались отчеты, но создавались проекты, отстаивались мнения в дискуссиях.

А вот недостаток профессиональных кадров в сфере НОТ – это то грустное обстоятельство, которое роднило все организации, занятые этой проблематикой.

Анализ внедрения НОТ в деятельность Нижгубкома позволяет выделить несколько этапов в процессе рационализации его работы (1921–1923, 1924–1926, 1926–1929 гг.). Попытки действительной рационализации аппарата на основе НОТ, проводимые в 1924–1925 гг., были гораздо более продуманными (хотя не всегда достаточно эффективными), чем беспорядочные реорганизации отделов и сокращения штатов в 1921–1923 гг. Другими словами, это был не экстенсивный, а интенсивный путь развития Нижгубкома. С 1924 г. происходит систематизация структурных и кадровых преобразований. Они становятся «плановыми»: в них отчетливо прослеживаются основные этапы – сбор информации (ЦК проводил анкетирование местных комитетов), разработка проекта (с использованием обратной связи – запроса мнения мест о проекте), уточнение проекта и лишь затем его утверждение.

Что касается третьего этапа (1926–1929 гг.), то многие исследователи едины во мнении: наблюдается дифференциация управления, «видно отчетливое стремление к углублению специализации структурных подразделений по определенным направлениям партийной работы: организационной, кадровой, пропагандистской <...>, расширяющиеся масштабы партруководства промышленностью и сельским хозяйством требовало сделать его более квалифицированным и конкретным» (20, с. 191–192).

Заключение. Итак, значение рассматриваемого периода (1921–1929 гг.) на тот момент заключалось в переходе от универсальности к конкретности в методах управления. Институт НОТ, помимо невыполнимых требований об упрощении функций управленческого аппарата для возможности выполнения их любым членом общества, разработал действительно полезные нормы организации работы, часть которых вполне адекватна современному российскому капитализму. Сегодня государство должно удерживать лидирующие позиции в таких сферах, как стандартизация продукции; разработка нормативно-правовых актов, регулирующих трудовую деятельность; обеспечение «прозрачного», подконтрольного и целевого использования государственных ресурсов; координация современных исследований проблем НОТ и подготовки специалистов в этой области, методическое руководство этими процессами.

Примечания:

1. Сапон В.П. Новые подходы к организации трудовой и учебной деятельности в годы НЭПа (на материалах Нижегородской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 4(20). С. 19–25. ISSN 2072-3024; и др.
2. Крылова А.В. Особенности становления и механизмы функционирования губкома РКП(б) в системе управления Нижегородской губернии (1917–1921 гг.). Нижний Новгород: Нижег. гос. тех. ун-т, 2011. 164 с. ISBN 978-5-93272-867-3.
3. Крылова А.В. Политика в сфере рекреации номенклатурных работников в период НЭПа // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2011. № 2(16). С. 246–252. ISSN 1996-9005.
4. Ленин В.И. «Научная» система выжимания пота // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 23; Система Тейлора – порабощение человека машиной // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т.24.
5. Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда (М., 1921); Керженцев П.М. Принципы организации (М., 1921); Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука (Б.-СПб., 1922); Ерманский О.А. Теория и практика рационализации (М.-Л., 1925) и др.
6. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГКУ ГОПАНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4281.
7. Постановления и резолюции губсовещания заворготделами укомов и райкомов (14–16 октября 1925 г.). Н. Новгород: тип. Нижгубисполкома, 1925.
8. Пленум Нижгубкома 20–23 мая 1925 г. Резолюции. Н. Новгород: Нижполиграф, 1925.
9. ГКУ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3601.
10. ГКУ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5747.
11. ГКУ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5979.
12. Известия ЦК ВКПб. 1928. №27.
13. ГКУ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5757.
14. Известия Нижгубкома 1929. № 7–8 (44–45). 30 апреля.
15. ГКУ ГОПАНО. Ф.1. Оп. 1. Д. 5722.
16. Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 33–34 (154–155).
17. Отчет Нижгубкома за период с XVII до XVIII губконференций. Н. Новгород, 1925.
18. ГКУ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3708.
19. Ниякий В.В. Платон Керженцев: начало революционной и журналистской деятельности. Горький: ВВКИ, 1990. 143 с. ISBN 5-7420-0191-6.
20. Золотарев Н.А. Важный этап организационного укрепления компартии (1928–37 гг.). М.: Мысль, 1979. 246 с.

UDC 94/47

The Experience of Application of Achievements of the Scientific Organization of Work in Nizhny Novgorod Provincial Committee RKP(b) - VKP(b) During a New Economic Policy

Anna V. Krylova

Nizhny Novgorod technical University, Russia
Minin Street 24, Nizhny Novgorod city, Nizhny Novgorod Region, 603000
Candidate of historical sciences, associate professor
E-mail: aespurance@yandex.ru

Abstract. The article is focused on the analysis of the process of introduction of Scientific Organization of Labor into Nizhny Novgorod Province Party Committee in 1920s, considers the features of central and local committees interaction when solving the issues of party officials' work improvement. Special attention was attached to this process merits and drawbacks.

Keywords: New Economic Policy, Scientific Organization of Labor; Nizhny Novgorod Province Party Committee.